

Средневековые патериковые традиции в XX–XXI вв.: староверие и Русская православная церковь

Тема древнего патерикового наследия в XX в. уже поднималась ранее в связи с исследованием Урало-Сибирского патерика, созданного в среде сибирских староверов часовенного согласия¹. В данной работе нас будет интересовать, как патериковые традиции преломляются в более широком круге памятников, есть ли сходство и насколько велики отличия в патериковом творчестве разных ветвей православия указанного периода.

В свое время Л.А. Ольшевская на материале Киево-Печерского и Волоколамского патериков сделала ряд общих замечаний, суммируя также наблюдения предшественников: «жанр „патерика“, сборника произведений о святых какой-либо одной местности» или монастыря, имел на русской почве свои особенности — тесное переплетение агиографии и летописи, активное стремление к документированию, «историзм, связь с конкретными событиями», патриотические мотивации, «проекции в настоящее и будущее страны», публицистическую направленность некоторых «слов» и др.²

Урало-Сибирский патерик редакции начала 1990-х гг. (составлялся с конца 1940-х гг.) имеет 212 глав и состоит из трех томов. Он создан именно как патерик (одно из его самоназваний — «Уральский патерик»). Первые два тома посвящены истории часовенного монашества и отчасти связанных с ним мирян; при этом повествование с течением времени все более концентрируется вокруг истории скитов, мигрировавших с Урала в Сибирь и последовательно возглавлявшихся отцами Лаврентием, Нифонтом, Саввой, Симеоном и др. Его структура, как и положено патерику, открыта, от редакции к редакции добавляются все новые материалы. Старообрядческий отечник представляет такой же жанр-ансамбль, как и его предшественники; набор жанров в нем даже шире, чем в древности. Это агиография (другие патерики, жития), в цитатах — книги Священного Писа-

ния и Предания, церковная и светская художественная, научно-популярная литература, газетная публицистика, родословие (вместо древнерусской летописи), историческое повествование, устные и письменные мемуары, послания, монастырский фольклор, былички, плачи и пр. и пр. Российского патриотизма старообрядческий патерик не лишен, но он обращен в благочестивое прошлое точно так же, как и так называемый народный монархизм в старообрядческом варианте. Уже в начале первого тома патерика говорится о «равночестности» России с другими православными странами — упоминается о миссии апостола Андрея Первозванного, якобы водрузившего крест на Киевских горах, о крещении Руси князем Владимиром, о Москве — III Риме, славу которого засвидетельствовал при благоверном царе Феодоре Иоанновиче патриарх Константинопольский Иеремия³. Кроме того, мы можем найти на страницах народного патерика поразительные по проникновенности строки, посвященные «малой родине» — тем местам, где долго существовали скиты, где оставались дорогие могилы: их раз от раза вынуждены были покидать монахи и связанные с ними крестьяне, спасающиеся от государственных антирелигиозных и «антикулацких» погромов. Что касается публицистической направленности, текстов «на злобу дня», то и они присутствуют в сибирском памятнике. Страстному обличению в терминологии раннехристианских житий подверглись на листах всех трех томов представители атеистической государственной власти, которых часовенные отождествляли со слугами антихриста. На листах патерика широко представлен языческий пантеон народных верований недавнего прошлого: домовые, лешие, банники, драконы и пр., который, конечно, соотнесен с бесами, нечистой силой христианства; тем не менее разнообразие этой нечистой силы, живописные подробности ее облика и привычек, обилие случаев общения с ней указывает на то, что

патерик составлялся в среде народного православия. Отсюда несомненная связь ряда текстов патерика с быличкой, сказкой.

Другая особенность Урало-Сибирского отечника — старообрядческая специфика: в часовенном согласии, генетически связанном с поповщиной, не было епископата, поэтому часть таинств вообще была недоступна верующим, часть модифицировалась и, естественно, не признавалась официальным православием. Пострижение в иноки было модифицировано, проводилось под знаком «другопредатного благословения» от одного игумена другому. Старообрядческие святые не могли быть канонизированы по традиционным правилам православия, поэтому осознавались таковыми с помощью известных в христианстве признаков: наличия божественных даров (прозорливости, чудотворения — исцеления через сакралии, способность к экзорцизму и т.д.), а также путем специфической реакции бесноватых на присутствие или даже упоминание святого. Свою роль при этом играл и набор традиционных топосов, присущих тому или иному типу святости.

Урало-Сибирский патерик посвящен непрерывной трехсотлетней старообрядческой монашеской традиции, которая сохранялась, несмотря на почти постоянное нелегальное существование и преследования властей, периодически превращавшиеся в сокрушительные погромы. В этих условиях часовенным удалось сохранить не только преемственность внутри конфессиональной организации, но и свою письменную и устную традицию, что в XX в. дало им возможность создать свой патерик. Официальной Русской православной церкви в XX в. пришлось значительно сложнее: после ее разгрома в советское время на территории России фактически не осталось действующих монастырей. Они были закрыты, а монахи либо уничтожены — расстреляны, сосланы, либо перешли к формам существования, издавна выработанным старообрядчеством: нелегальная жизнь «в миру», у православных, скрывавших их с опасностью для жизни, или же в небольших скитах в труднодоступных местах на окраинах государства (например, в горах Кавказа). Единственная обитель, избежавшая закрытия в советское время, — Псково-Печерский монастырь, который не был уничтожен после революции, поскольку оказался за границей — на территории Эстонии. Когда Эстония была вновь присоединена к России, это-

му монастырю чудом удалось уцелеть, хотя он неоднократно находился на грани того, чтобы разделить судьбу остальных обителей. В него тянулось уцелевшее монашество других монастырей, вливая свои традиции: в Псково-Печерскую обитель переселились несколько валаамских старцев из Финляндии, там приютили монахов, «связанных с духовными традициями Оптиной, Вышенской, Макарьевской на реке Лезне и Глинской пустынь»⁴.

Современное издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, носящее название «Псково-Печерский патерик», включает жития только девяти канонизированных святых, из них лишь двое жили в XX в.⁵ Официальный сайт Псково-Печерского монастыря имеет раздел «Патерик», который предваряется следующим указанием: «Этот раздел включает жизнеописания отцов и братьев нашей Святой Обители, подвизавшихся в XX веке. Они близки к святым по благочестию...» Электронный патерик тоже невелик, но житий XX в. в нем больше, чем в печатном: здесь помещены семь текстов, причем посвящены они, как и сказано в предисловии, не тем, кто уже канонизирован⁶. В целом, патериковые жития упомянутых подвижников соответствуют жанру: биография героев дается достаточно лапидарно, внимание заостряется на их добродетелях и заслугах в деле спасения души, о чем рассказывается в соответствующих эпизодах. В житиях традиционно используются цитаты из Священного Писания, трудов авторитетов церкви (в частности, св. Тихона Задонского). Повествование подчеркнуто документируется разными способами. Более всего здесь устных и письменных мемуаров (свидетельств очевидцев), в ряде случаев явно использовалась делопроизводственная документация (сведения о наградах и т.д.). Степень полноты известий и, соответственно, объем житийных текстов неодинаков. Один из самых кратких — о семи валаамских старцах, прибывших в 1957 г. в монастырь из Финляндии; рассказ построен в основном на материале письменных мемуаров бывшего псково-печерского инока иеромонаха Кенсорина, который был их келейником. В основе повествования об архимандрите Иерониме (Тихомирове) — автобиография, делопроизводственные характеристики, его собственные рассказы и устные воспоминания псково-печерских монахов (в том числе его друзей-односельчан). Делопроизводст-

венная информация имеется в текстах, посвященных архимандриту Серафиму (Розенбергу), схиигумену Савве (Остапенко); значительная часть жития последнего основана на материалах его книг. Как видим, современное патериковое житие так же синтетично, как сам патерик, и включает тексты разных жанров, набор которых не является неподвижным.

Самый короткий текст в электронном патерике посвящен наиболее популярному и чтимому старцу Псково-Печерского монастыря XX в. — архимандриту Иоанну (Крестьянкину). Он состоит из приглашения на специальный сайт, содержащий самые разнообразные материалы. Сайт открывается портретом о. Иоанна и продолжается структурированным жизнеописанием (каждый раздел содержит несколько строк с отточием, читатель же волен выбирать, интересно ли ему знакомиться с материалами подробнее). Перед нами чрезвычайно подробная биография, но не патерикового типа. Однако наложена она на житийный канон: присутствуют все топосы, характерные для монаха-подвижника, преподобного. По правому полю текста, почти как клейма на иконе, размещены фотографии. После жизнеописания следует раздел «Духовное наследие», затем — иерархически ранжированные воспоминания (отдельно архиереев, священства и мирян), после чего на сайте размещена рубрика с названием, явно заимствованным из повесток заседаний, — «Разное» (события, публикации, памятные даты, поминальный список). Заканчивается сайт фотогалереей и гостевой книгой. Как видим, сайт, как и патерики, отличается открытой структурой, в его ансамбле — множество жанров.

Жизнеописания святых на сайте Псково-Печерского монастыря выделены особо, вне электронного патерика. К XX в. относятся два жития: священномученика архиепископа Харьковского Александра, бывшего настоятелем монастыря в 1917–1919 гг. и умершего в 1940 г., и монастырского схимника преподобного Симеона (умер в 1960 г.). Видимо, этот раздел сайта Псково-Печерского монастыря справедливо рассматривать как дополнение к электронному патерику, точно так же, как и раздел «Игумены», который содержит немало житийных текстов XX в. Такими же дополняющими можно считать и страницы «Летопись обители», «Путеводитель по монастырю» и «Книги» (последний раздел

содержит авторскую литературу братии). Итак, перед нами — своеобразный «рассеянный патерик», к тому же в электронной форме. Древняя традиция в электронном отечнике, как и в случае со старообрядческим патериком, представлена не в исконном, а в модифицированном виде. В частности, и в том и другом случаях жития в значительной степени синтезированы с биографией. Этот процесс шел, как известно, начиная с XVII в., достигнув кульминации во второй половине XIX — начале XX в., был прерван Октябрьской революцией и с особенной силой возобновился в конце XX в.

В разделе «Гостевая книга» сайта, посвященного о. Иоанну (Крестьянкину), немало восторженных отзывов о книге, уже названной православным бестселлером, — «Несвятые святые» архимандрита Тихона (Шевкунова), в центре которой — Псково-Печерский монастырь второй половины XX в. В свете поставленной темы книга заслуживает особого внимания. В литературном отношении — это явление современной беллетристики; произведение состоит из ряда рассказов, объединенных личностью автора, познающего монашеский путь. Автор как будто не ставит перед собой цель создания патерика; в аннотации он раскрывает замысел книги: «...всякий православный христианин может поведать свое Евангелие, свою Радостную Весть о встрече с Богом»⁷. В другом месте мы встречаем его собственный, вполне культурологический афоризм: Бог разговаривает с человеком с помощью обстоятельств жизни, а не слов. Можно сказать, что книга посвящена истолкованию этого разговора. Однако в текстах этого живого, талантливого, наполненного мягким юмором авторского повествования проступает некая древняя основа. Присмотримся к ней.

Выше уже говорилось, что патерик — это сборник произведений о святых какой-либо местности или монастыря. В книге архимандрита Тихона в отдельных рассказах говорится о наиболее чтимых старцах Псково-Печерской обители: об о. Иоанне (Крестьянкине), архимандрите Серафиме, казначее монастыря о. Нафанаиле, схиигумене Мелхиседеке, игумене Адриане, наместнике архимандрите Гаврииле (Стеблоченко), великом наместнике архимандрите Алипии (Воронове), монахах о. Антипе, о. Аввакуме и других. Еще некоторым старцам монастыря посвящены небольшие вставные новеллы. Причем

рассказы эти — не биографии, хотя краткие биографические сведения о героях там встречаются. К ним больше подходит определение патерикового жития, которое состоит из цепи сюжетно завершенных эпизодов, повествующих о каком-либо подвиге или проявлении божественных даров монаха. Эпизодически эти старцы появляются потом и в других рассказах, цепь таких эпизодов иногда составляет хронологический ряд. Вообще же хронологическая выстроенность, отмеченная для русских патериков, здесь прежде всего связана с биографией автора; чтимые иноки XX в. появляются на страницах книги по степени значимости для судьбы, в том числе для монашеского совершенствования послушника, затем монаха, будущего архимандрита Тихона. (Нарушение хронологии повествования встречалось и в древних патериках, например, в Волоколамском патерике редакции Вассиана Кошки⁸.) На страницах «Несвятых святых», как это характерно и для патериков, появляются не только монахи Псково-Печерского монастыря и связанных с ним обителей (например, Валаамской или Троице-Сергиевской, откуда пришло немало насельников). Книга пестрит фигурами мирян из всех социальных слоев и групп: здесь и высокое светское начальство от функционеров местного КГБ и обкома до президента Ельцина, и художественная интеллигенция, что неудивительно: наместник Алипий был в свое время членом союза художников Москвы, а сам автор закончил ВГИК. Представлена в книге и священная иерархия всех трех чинов. Перечислять можно долго: в Псково-Печерский монастырь люди шли со всей России. Не раз, что опять-таки является топосом житийной, в том числе и патериковой литературы, в повествовании появляются разбойники, которых стараются, хотя не всегда успешно, привести к покаянию. В книге архимандрита Тихона, как и в древних русских патериках, «действие... рассказов не замкнуто стенами... монастыря»⁹, его герои то скитаются в горах Кавказа, то посещают сибирские степи, равно как и повествование Урало-Сибирского патерика территориально охватывает не только Урал, Сибирь и Дальний Восток, но и Украину (путешествие в Киево-Печерскую лавру), Москву и т.д.

Еще одна отмеченная в историографии особенность русских патериков: «уход героя в монастырь — не бегство от... мира, а способ активного воздействия» на земную

жизнь¹⁰ — полностью приложима к «несвятым святым» архимандрита Тихона. Проявляется их учительная миссия прежде всего в старческом служении миру (о. Иоанн (Крестьянкин), великий наместник архимандрит Алипий (Воронов), о. Рафаил и многие другие); автор повествует о них трепетно и проникновенно, нередко добавляя юмористические эпизоды, поэтому назидание у него никогда не бывает унылым. В Урало-Сибирском патерике таким служением были известны игумены о. Савва (Мягков), о. Симеон (Лаптев), о. Антоний (Людиновсков). Наконец, многие персонажи книги связаны с разнообразными «чудесными событиями», с теми «обстоятельствами жизни», с помощью которых Бог разговаривает с человеком. В Урало-Сибирском патерике эта тема возникает постоянно, кроме того, ей целиком отдан третий том. Страстное стремление познать промысел Божий роднит текст архимандрита Тихона как с древними патериками, так и с Урало-Сибирским.

Как и в древних отечниках и в Урало-Сибирском старообрядческом патерике, в произведении архимандрита Тихона можно встретить вкрапления других жанров: проповеди, письма и т.д. Отдельным рассказом может стать статья из Пролога (иногда рассказ из современной жизни автор сопровождает ремаркой — для будущего Пролога). Важную роль в книге, как и в любом патерике, играют монастырский фольклор, устные и письменные мемуары, свидетельства очевидцев (в немалой мере — самого автора).

Если учесть, что в отличие о переводных отечников «русские патерикографы больше дорожат историческим фактом, бытовой реалью, документальным свидетельством»¹¹, то как Урало-Сибирский патерик, так и книга архимандрита Тихона активно развивают именно эту традицию. Но в отличие от Урало-Сибирского патерика, использовавшего родословие — своеобразную летопись часовенного согласия, а также исторические повести, у архимандрита Тихона подобного материала почти нет, но «историзм, связь с конкретными событиями своего времени»¹² присутствует в каждом рассказе, хотя при этом явно имеющиеся документальные источники сведений не цитируются, а в лучшем случае называются (газетные материалы, фотоальбомы и т.п.). В книге есть и совершенно новый, один из самых сильных по воздействию способов документирования повествова-

ния — сопровождающий его массив фотографий. Отец Иоанн (Крестьянкин) при самой первой встрече сказал будущему архимандриту, что кино — это язык, с помощью которого можно восславить, а можно похулить Бога¹³. Тихон (Шевкунов) очень искусно пользуется языком фотографии, дополняя и усиливая им главные мысли своих рассказов. В полной мере к фотодокументам прибегли, как мы видели, и создатели электронного Псково-Печерского патерика.

Уже для Киево-Печерского патерика отмечена такая особенность, отсутствовавшая в переводных памятниках, как яркая публицистическая направленность (конфликты с князьями, осуждение их неспособности объединиться перед лицом врага); присуща она и Волоколамскому патерику (полемика о «царстве» и «священстве», борьба с язычниками и еретиками). В Урало-Сибирском патерике и в книге архимандрита Тихона наиболее остро обличается советская власть, ожесточенно боровшаяся с любыми конфессиями; с большой художественной силой в обоих памятниках описано мученичество подвижников, попавших в жернова карательной системы. Документально-летописное начало здесь отнюдь не конфликтует с художественно-беллетристическим (последнее отмечалось для древних русских патериков¹⁴). Острыми сюжетами переполнены и Урало-Сибирский патерик, и «Несвятые святые». Наконец, патриотическое начало, характерное для древнерусских патериков, в полной мере присуще и книге архимандрита Тихона (о старообрядческом патерике в этом плане говорилось выше). С глубоким уважением относится он к фронтовому прошлому печерских монахов; подробно и с большим пиететом пишет о скорбной и радостной любви к России американского православного епископа Василия (Родзянко). Эти и многие другие черты, не названные здесь за недостатком места, роднят книгу архимандрита Тихона с жанром патерика. Можно, наверное, сказать, что она является патериком, пожалуй, более, нежели получивший такое название электронный патерик Псково-Печерского монастыря. Возможно, книга специально соответствующим

образом стилизована: автор неоднократно упоминал, что зачитывался древними патериками во время своего послушания в Псково-Печерском монастыре. В целом же можно сказать, что XX — начало XXI в. ознаменовались в обеих ветвях русского православия — старообрядчестве и Русской православной церкви — появлением интересных памятников патерикового жанра или произведений, тесно связанных с патериковой традицией и сохранивших немало родовых черт древнерусских отечников.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00350а).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 314–394.

² Ольшевская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...» // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 233–252.

³ Собрание Ин-та истории СО РАН, № 4/90-г, л. 4, 4 об.

⁴ Патерик // Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь. [Электронный ресурс]. URL: pskov-pechersky-monastery.ru/russian/paterik.

⁵ Псково-Печерский патерик: Жизнеописания святых Псково-Печерских. Изд-во Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2008. С. 1–72.

⁶ Патерик. [Электронный ресурс].

⁷ Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. С. 4.

⁸ Ольшевская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...». С. 238.

⁹ Там же. С. 240.

¹⁰ Там же. С. 247.

¹¹ Там же. С. 239.

¹² Там же. С. 238.

¹³ Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые»... С. 32.

¹⁴ Ольшевская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...». С. 239, 241.